

Тимофей НИКОЛАЙЦЕВ

СЛОМАННАЯ ЧЕЛЮСТЬ ГОВОРИТ ОТ ИМЕНИ ВСЕХ

Р а с с к а з

Темнота, наполненная редким дождем, уже практически сокрыла следы, по которым он шел... Сломанная Челюсть различал их шагов на десять вперед, не больше.

Был сезон малой осени — хорошей воды с неба падало совсем немного, соленый песок вдоль берега реки схватился глянцевой коркой, и капли долбили ее с таким звуком, будто где-то совсем рядом, не таясь, копали землю. Это отвлекало внимание, заставляло то и дело останавливаться и прислушиваться, а потому Сломанная Челюсть шел осторожно и медленно. Дождь тоже никуда не торопился, но мешал, как мог, — чернил глину по высоким склонам, смачивал хмурые каменные лбы около кромки воды, заставляя их скользко блестеть, сам же песчаный берег реки делал рябым и пестрым от пятен потемневшей соли.

Если бы тот, по чьим следам он крался, не был обут в жесткую обувь, оставляющую такие явные отпечатки, то Сломанная Челюсть давно бы сбился со следа. Он посмотрел влево, на светлую полосу реки, — баркасы по-прежнему двигались вдоль берега с той же примерно скоростью, что и он, временами скрываясь за лохматые гривы плавучих островов. Их было то ли четыре, то ли пять — Сломанная Челюсть еще ни разу не увидел все одновременно, чтобы быть уверенным в числе, но, насколько можно было разглядеть в бинокль, силуэты баркасов отличались друг от друга, и Сломанная Челюсть понимал — они идут разреженной шеренгой, перегородив реку, часто меняют курс, а оттого их траектории переплетаются, как нити в крученой веревке. Скорее всего, баркасы обыскивали плавучие острова. Сломанная Челюсть не чувствовал к ним ненависти, но все равно избегал быть на виду: расстояние до них было слишком большим, а видимость — слишком плохой для полной в том уверенности. К тому же внимание приходилось постоянно делить между рекой и берегом, это порядком выматывало.

Как он и ожидал, паломничество давалось ему с трудом. Кости болели в привычных местах, но десять часов погони заставили их болеть сильнее обычного; он подволакивал ногу, и цепочка его собственных следов выходила рыскающей и приметной. Подумав об этом, Сломанная Челюсть переложил топор из одной руки в другую...

Словно отреагировав на это движение, один из баркасов резко поменял курс. Сломанная Челюсть больше не видел его в профиль — баркас обратился в наконечник стрелы, нацеленный прямо на него. Спустя мгновение другой баркас проделал тот же маневр и двинулся к берегу, пусть и не так стремительно, как первый, держась в тени лохматой растительности одного из островов. Сломанная Челюсть юркнул за камень, понимая уже, что его, скорее всего, заметили, но медля пока убежать. Он поднес бинокль к глазам. По поверхности реки плавали колонии светящейся слизи. В сочетании с сумерками они сбивали с толку — трудно было следить за обоими баркасами разом, а потому Сломанная Челюсть сосредоточился на первом. С такого расстояния он различал только силуэты людей, что были в лодке, но по их позам определил — два лучника на корме, еще пара с копьями под прикрытием щитов ближе к носу.

Сколько человек работает на веслах, разобрать пока не удалось — борта и развешенные по бортам щиты хорошо их скрывали. Но, глядя, как споро баркас забирает поперек течения, как вспарывает тугую соленую воду, Сломанная Челюсть подумал о десятке гребцов и командире, что задавал ритм веслам. Бежать от стольких преследователей не имело никакого смысла даже здоровому человеку, и он остался в своем укрытии, ожидая, когда они приблизятся...

Уже через пару минут визг соли, что перетиралась в уключинах, и плеск взбиваемой веслами воды стали хорошо различимы. Сломанная Челюсть поменял бинокль на топор и отодвинулся подальше в тень валуна, стараясь, чтобы железное ненароком не коснулось камня. Он был взволнован, но ненависти по-прежнему не чувствовал.

Заскрежетал песок под носом баркаса, Сломанная Челюсть напрягся, сжимая оружие, но всплеска от ног прыгающих через борта людей не услышал. Они оставались в лодке, и это был хороший знак.

Он шевельнулся, и его тотчас окликнули:

— Выходи! Мы тебя видим! Ты за камнем, похожим на отрубленную голову.

Все камни вдоль соленых рек похожи на отрубленную голову — кроме тех, что напоминают закопанного по горло в песок человека. Сломанная Челюсть подумал так, но спорить не стал.

Их было именно столько, сколько он и предполагал. Лучники с кормы смотрели на него хмуро, но без особого интереса; лиц тех, кто держал копья, он по-прежнему не различал. Командир баркаса выпрямился ему навстречу и опустил оплавленный по краям обломок огромной толстостенной трубы, который служил ему щитом.

Его лицо оказалось настолько похожим на этот щит — темное, широкое, сплошь усеянное вмятинами и шрамами, с неровной

бахромой бороды по краям, — что Сломанная Челюсть поначалу даже не заметил особой разницы.

— Я не чувствую к тебе ненависти, — сказал мужчина, как показалось, с некоторым сожалением.

— Я тоже не чувствую ненависти к вам, — ответил Сломанная Челюсть, выходя из тени валуна под рассеянный предвечерний свет. — Я вижу — вы сильные, и я готов отвечать вам.

Он видел, как опускаются копыта, вонзаясь в песок, — кроме острия, на каждом был крюк, и этими крюками мужчины теперь цеплялись за берег, успокаивая ерзающий по течению баркас.

— Ты на песке, мы в воде, — заверил его командир. — Будем смотреть за спины друг другу. Мы следим за твоим берегом, ты — за нашей водой...

— Это не мой берег, — помотал головой Сломанная Челюсть. — Я иду этим берегом с оружием.

— Верно, — кивнул командир. — Тогда мы выйдем на берег и будем сами следить за водой и сушей.

— Хорошо. — Сломанная Челюсть подчинился и отступил на положенные два шага.

Мужчина легко скользнул через борт, умудрившись почти не лязгнуть железом, которым был обвешан, и встал в полный рост. Он был кряжист и даже грузен — кольчуга, сплетенная из упругих металлических нитей от древних, нержавеющей тросов, казалось, была ему тесной. Сплюснутые полосы железа прикрывали его ключицы, делая плечи еще шире.

— Ты не выглядишь сильным, но идешь один и с оружием, — продолжил он, подходя, и оценивающе поглядел на светлое лезвие и обух, сточенный в форме граненого зуба. — У тебя хороший топор.

— Это топор моего отца, — ответил Сломанная Челюсть.

Командир поднял на него взгляд.

— Значит, ты мстишь за отца, — понимающе сказал он, — поэтому идешь теми следами...

— Нет, — снова качнул головой Сломанная Челюсть. — Мой отец умер очень давно. Я не помню его лица.

— Это сын женщины... — негромко передал командир баркаса своим людям, и все они — и те, что молча стояли вокруг него на песке, и те, что остались на баркасе, — переглянулись между собой.

Сломанная Челюсть опустил голову. Наступал самый неприятный момент разговора.

— Нет. Я сын оружия своего отца! Моя мать была из тех, к кому мы чувствуем ненависть. Мой отец захватил ее во время паломничества и заставил родить меня для общины. Он умер вскоре... Меня воспитала община.

— Пусть так. Но сейчас ты идешь чужим берегом.

— Я совершаю паломничество. — Сломанная Челюсть поднял взгляд на людей на берегу и в лодке.

Они зашевелились, задвигались разом по песку, обступая его со всех сторон.

— Ты не выглядишь готовым к этому, — строго насупливаясь, сказал их командир. — Идущий в паломничество должен быть в силах убить как минимум двоих. Только тогда твое паломничество будет иметь смысл. Если ты не способен убивать, то должен приносить пользу любым другим способом. Не похоже, что твоя община чтит обычаи.

— Каждое мое слово, сказанное на этом берегу, — это почитание обычаев, — напомнил ему Сломанная Челюсть, глядя исподлобья.

— Да, — подумав, согласился тот. — Я слышу — ты говоришь как мужчина, хотя и не выглядишь мужчиной. Но ты идешь убивать с отцовским топором, который слишком для тебя тяжел, а не молишься день и ночь богу Силы у себя в общине.

— Я поднимал молитвенные камни с самого детства и делал это с не меньшим усердием, чем любой из вас.

Командир баркаса, сомневаясь, подвигал тяжелой челюстью.

— За мужчину говорят не слова, а поступки, — веско сказал он. — Почему же ты тогда не выглядишь сильным и готовым убивать?

Прямой вопрос прозвучал как пощечина — Сломанная Челюсть протестующе шевельнулся, и люди на берегу напряглись, ловя цепкими взглядами малейшие его движения. Они были уже на взводе — быть может, их недавно постигла неудача, а может, беда случилась с их общиной и они искали виновников этой беды.

— Я — калека, — просто сказал Сломанная Челюсть и впервые за все время разговора открыто обвел глазами обступивших его — все ли слышали?

Они слышали. Взгляды их оставались непроницаемы.

— Да, я вижу твое лицо... и вижу, как ты стоишь... — Согласно обычаям, командир баркаса говорил за всех. — Расскажи, что с тобой произошло.

— Это случилось до моего рождения, — начал Сломанная Челюсть, приказав себе стоять спокойно. Он рассказывал эту историю часто и уже привык к ней. — Мой отец совершал свое шестое паломничество. — Воины опять переглянулись и уважительно кивнули друг другу. — Он выследил тех, к кому мы чувствуем ненависть, целую группу — четверых мужчин и женщину. Мой отец сумел убить их, но и сам был ранен. Он не смог взять мою мать прямо на поле боя, как положено, но привез ее в общину с надрезанными сухожилиями. Когда он оправился от ран, то взял ее силой — женщины моей общины все это время пытались сломить ее ненависть и заменить покорностью, но она не сломилась... Моя мать чувствовала такую ненависть ко всем нам, что, когда подошел срок, отказалась меня рожать. Отцу пришлось бить ее, чтобы заставить, но она все равно держала лоно крепко стиснутым. Она была готова умереть в муках, лишь бы община тех, кого она ненавидит, не стала больше даже на одного младенца.

— Она была смелой... — Командир баркаса кивнул и даже оглянулся на своих людей, будто призывая их в свидетели своего уважения.

— Очень смелой, — согласился Сломанная Челюсть. — Она могла бы тихо от меня избавиться, пока не подошел срок, и принять легкую смерть, раз уж оказалась бесполезной для общины. Я думаю, что отец убил бы ее быстро — мать была красивой женщиной, и ее трудно было продолжать ненавидеть... Но она предпочла выносить меня, чтобы показать всем, какую ненависть она чувствует. Отец отрубил ей обе кисти вот этим топором, чтобы она не могла зажимать ни рта, ни лона. Но она продолжала упорствовать, и тогда повивальным бабкам пришлось давить ей на живот, чтобы избавиться от бремени... Я увидел свет и, поначалу всем казалось, родился нормальным младенцем — сразу закричал от ненависти к ней. Но у меня были сломаны какие-то кости, и они срослись неправильно. Я тягал молитвенные камни, как одержимый, но не смог расти мужчиной...

Люди вокруг него одобрительно зашумели, с лязгом ударили оружием о железо своих доспехов.

— Я помню эту историю... — с заметным волнением сказал их командир. — И, кажется, помню этот топор. Наверное, я знал твоего отца... Да! Так и есть. Я был еще мальчишкой, когда он помогал нашей общине убивать тех, кого мы ненавидим.

— Он был героем, — поднял голову Сломанная Челюсть. — Его знали многие.

— И твоя мать... Среди женщин иногда встречаются такие, что удивляют нас, мужчин. Жалко, что она оказалась из тех, к кому мы чувствуем ненависть!

— Мой отец так и сказал мне, когда держал на руках над телом матери. Я только родился и еще не понимал его слов. Тогда он сказал это повивальной бабке, чтобы потом она передала мне. Я не помню лицо своего отца, но помню его слова. Поэтому я и иду сейчас чужим берегом по чьим-то следам, хотя и недостойн этого. Из уважения к силе моего отца и отваге моей матери община позволила мне уйти в паломничество, так как рассудила — я задохнусь от ненависти, не находящей выхода, если отцовский топор будет ржаветь бесцельно... Я ответил тебе на все, командир сильных, и больше мне нечего сказать.

Мужчины на баркасе и около него встали свободнее, по-прежнему не говоря ни слова. Второй баркас подходил к берегу, настороженно шлепая веслами. В нем было еще больше людей, чем в первом, но мужчин — только двое. Сломанная Челюсть увидел коротко стриженных подростков, чьи головы мелькали низко меж бортовых щитов — мальчишки молились богу Силы, что есть мочи налегая на весла.

— Ты говоришь как мужчина, — повторил командир баркаса. — Мне жаль, что ты не стал им пока.

Сломанная Челюсть промолчал — слова были излишни.

— Так как ты еще никого не убил, то недостойн знать наши имена и не можешь задавать вопросы. Но я сам скажу тебе — мы обыскиваем плавучие острова для нового лагеря общины. Те, к кому мы чувствуем ненависть, были здесь недавно. Их несколько человек,

без женщин — должно быть, они совершают паломничество. Мы не смогли их выследить, но видели однажды с воды — они выглядят сильными. Тебе не справиться с ними.

Сломанная Челюсть мрачно кивнул в ответ на это.

Второй баркас застыл, перебирая веслами против течения, в паре гребков от берега. Быстро темнело и холодало, над стриженными макушками гребцов, взмокших от работы на веслах, курился едва заметный парок.

— Я решил так, — сказал командир, повышая голос, чтобы услышали все. — Мы поможем тебе, а ты — нам. Ты пойдешь с нами водой вдоль этих следов. И мы, пока будем грести, тоже расскажем тебе историю.

Не возражая, Сломанная Челюсть перелез через борт и сел, куда было велено. Баркас был древним, но крепким — сохранившимся с самого начала времен, его дюралевую скорлупу пощадила стремительная и едкая речная соль, давным-давно сжевавшая в труху стальные корпуса затопленных на фарватере Кораблей. Борта сплошь были в отметилах от стрел, разной степени давности, вмятинах от камней, пущенных из пращи. Сломанная Челюсть увидел также несколько настоящих пулевых пробоин, тщательно заклеенных шершавыми листьями плавучего пластыря, окаменевшими от времени.

На веслах на этом баркасе тоже сидели подростки, еще ни разу не побывавшие в паломничестве, но постарше — уже со следами бритья на щеках. Они тоже взмокли, но были в железе; мускулы их лоснились. Они оказались умелыми гребцами, несмотря на возраст, — баркас совершенно без усилий и всплеска сорвался с места, пугнув скошенным носом одно из пятен светящейся плесени, что подобралось на ночевку уже к самому берегу. Второй баркас пошел следом, вразнобой щетинясь веслами и потихоньку отставая.

— Следы, по которым ты идешь... — Командир одними глазами показал в сторону берега. — Мы догнали того, кто их оставил. Это было к исходу дня, совсем недавно. Мы шли на веслах посередине реки, где быстрая вода. У нас тоже есть бинокль, мы заметили идущего и взяли в клещи. Мы разделились — одни из нас высадились и начали преследовать, другие обогнали его и тоже сошли на берег. Он не стал убегать...

Сломанная Челюсть на мгновение потерял самообладание — раздосадованно дернул щекой.

— Мне жаль, что я терял время и шел по холодному следу. — Он склонил голову перед мужчинами, взяв себя в руки.

— Нет, — поправил его командир баркаса, — этот след вовсе не холоден. Оставивший его был еще жив, когда мы ушли по воде.

В его голосе и во взгляде ощущалось изрядное сомнение, что это до сих пор так. Он мялся, не зная, как продолжать.

«Вы не стали его убивать?» — едва не спросил Сломанная Челюсть, но вовремя прикусил язык.

— Мы не чувствовали к нему ненависти, — неловко сказал командир и оглянулся на других — как показалось, не очень

уверенно. — Никто из нас... Было бы неправильно поднимать наше оружие. Но мы не смогли и говорить с ним. Он — чужой, не из нашего мира. Не знал обычаев и не понимал нас.

— Мы все говорим на одном языке... — удивился Сломанная Челюсть, привычно избегая строить вопросительные фразы.

— Ты не понял, — прервал его командир. — Он понимал наши слова и отвечал нам. Мы тоже узнавали слова, но так и не поняли, о чем он толкует. Это было... странно... — Он помолчал, собираясь с мыслями. — Мы не чувствовали к нему ненависти и сказали ему об этом. Он ответил: «Ну и хорошо». Он не был напуган, но говорил с явным... облегчением. Мы ждали ответа и уже опустили копыя, но он молчал. Тогда мы спросили сами... чувствует ли он к нам ненависть. — Мужчина запнулся, с усилием выворачивая ритуальную фразу наизнанку. — Он сказал: «Нет, а с чего бы?» — и тогда мы начали сердиться. Потом он назвал свое имя. Это было... дико, словно болотный шакал вдруг заговорил с нами. Он вел себя как ребенок — задавал нам вопросы и вынуждал нас делать то же самое. Не зная наших имен, не сообщив нам даже, мужчина ли он!

— Наверное, он выглядел сильным, — потрясенно сказал Сломанная Челюсть.

— Нет, — покачал головой командир баркаса, отчего его борода мотнулась и исказила отражение в светящемся пятне, что проносилось мимо борта, закручиваясь хищными воронками жидких ртов. — Он не выглядел так, будто хоть однажды молился богу Силы с должным усердием, но был... опасным. Не как любой из нас, вообще не как человек — как дикое животное. Мы не могли понять, что у него в мыслях. Собирается ли он нападать или хочет говорить. Я не знаю, как объяснить это, да и никто из нас не знает... Он задавал нам вопросы, тем самым оскорбляя нас, а сам даже не прикасался к оружию — будто вовсе не считал нас за мужчин...

Сломанная Челюсть ошеломленно раскрыл глаза.

Над голой глиной правого, высокого берега быстро скользила приземистая тень — какой-то хищник начинал разведку перед ночной охотой.

— Оружие... — повторил командир, задумчиво глядя в темную воду. — Теперь я скажу тебе, чем он был вооружен...

— Да, командир сильных. — Сломанная Челюсть обнаружил вдруг, что крепко стискивает рукоятку топора, и смутился — вести себя так было совсем невежливо в окружении мужчин, к которым он не чувствовал ненависти. Но все вокруг сделали вид, что не заметили этого.

— Огнестрельное оружие! — сказал командир и посмотрел на него в упор. — На ремне, с прикладом и емким магазином, но короткое — для ближнего боя. Что-то вроде автоматического пистолета. Их иногда еще находят, но почти все из этих находок уже никуда не годятся. А его оружие выглядело совсем новым.

Он обернулся на своих людей, и те одновременно кивнули.

— Вороненая сталь, — прищурился их командир, припоминая детали. — Запах смазки. И полностью снаряженный магазин — мы видели желтые патроны в прорезях, — и совсем никакой ржавчины.

Он замолчал, и мужчины с копьями тоже молчали. Стало светлее, первая луна поднялась над далеким травяным лесом, ее свечение сеялось сквозь путаницу ленточных облаков — те уже уронили из себя всю воду и посветлели.

— Мы оставили его в покое, — признался командир. — Мы не знали, как себя вести... Было бы глупо рисковать и продолжать с ним разговор, который все больше нас запутывал. Мы были сильнее его — в железе и с оружием, нас было много, и мы стояли близко... Но зачем рисковать, затеяв бой, — если не чувствуешь ненависти?

Сломанная Челюсть лихорадочно соображал.

Да, командир этих людей поступил правильно. Обычай учат быть осторожным в поступках — безрассудный риск глуп, это удел мальчиков, а не мужчин. Командир прежде всего должен думать о своей общине. Так велят обычай и здравый смысл — ведь если община велика и процветает, она сможет куда легче уменьшать численность тех, к кому мы чувствуем ненависть.

— Обычай мудры, — согласился он вслух.

— Ты вряд ли убьешь кого-то в своем паломничестве и вряд ли из него вернешься, — сказал командир баркаса, обращаясь к нему с тем сдержанным спокойствием, с каким растолковывают ошибки. — Ты движешься слишком медленно, и у тебя слишком узнаваемый след. Ты не сможешь убежать и не сможешь запутать своих преследователей, сколько бы ни пересекал чужие следы.

Сломанная Челюсть кивнул — да, все так и было.

— Я понимаю — ты молод и ищешь смысл своим вдохам и выдохам, как делает каждый юноша. Я не спорю с решением твоей общины отпустить тебя, хотя и не совсем одобряю. Ты должен приносить пользу, а если ты погибнешь, не убив никого, да еще оружие твоего отца достанется тем, к кому мы чувствуем ненависть, это сделает их сильнее на один топор, а твою общину сделает слабее на одного человека, пусть и не вполне мужчину. Хотя ты калека, но ты не похож на лишний рот, позволить тебе просто сгинуть без пользы было бы неправильно. Обычай это запрещают. Поэтому я поручаю тебе работу, которую не могу сделать сам. Ты будешь согласен или просто подчинишься? — Я согласен, — обдумав его слова, сказал Сломанная Челюсть.

Командир баркаса кивнул, и его люди тоже облегченно зашевелились — словно общий сдавленный железный вздох прошелся над ними.

— Я рад, что ты понял и подчиняешься здравому смыслу и обычаям, а не моему оружию! — сказал командир, положив тяжелую от защитного железа руку ему на плечо. — Ты не выглядишь сильным, но выглядишь достаточно умным. Ты хорошо говорил с нами, и теперь я хочу, чтобы ты говорил с тем чужаком. Мне нужно, чтобы ты

его понял и дожидать бы до утра, чтобы объяснить мне. Мой отец учил меня — невозможно процветать, если не понимаешь смысл происходящего вокруг. Неизвестное — почти всегда отложенная угроза...

— Я вижу его, — негромко сказал один из лучников, и Сломанная Челюсть машинально оглянулся на новый голос.

Лучник смотрел в бинокль, обе линзы которого, несмотря на возраст, были целы и не затерты. Сломанная Челюсть снова с гордостью подумал, что эта община, обитающая на плавучих островах, процветает. Те, к кому мы чувствуем ненависть, наверное, нечасто осмеливаются тревожить ее. Он тоже поднял бинокль, но не различил впереди ничего, кроме сумерек и цветового шума.

— Будь осторожен, — напутствовал его командир баркаса. — Нам нужно вернуться за женщинами и детьми — остров под нашим временным лагерем начал проявлять активность, он может вскоре проснуться. И помни — помогая нам, ты помогаешь и своей общине тоже.

— Я знаю, — ответил Сломанная Челюсть, не поворачивая головы.

Он видел уже — высокая фигура двигалась по берегу. Не очень быстро, но все равно куда быстрее, чем Сломанная Челюсть, когда ее преследовал. Командир баркаса был полностью прав — калека не годится для погони и его паломничество было пустой затеей...

Он отстранился от бинокля. Первая луна спустилась уже достаточно низко, чтобы начать багроветь, копыта его спутников казались теперь вымазанными кровью. Он прислушался к себе — но ненависти к этой фигуре на берегу не ощутил, одно лишь недоумение да пробивающееся сквозь него любопытство.

Через несколько гребков баркас уже приблизился на расстояние, с которого Сломанная Челюсть мог различать детали. Человек был высок, но худ, если не сказать — хрупок. Узкие плечи говорили о небольшой физической силе, но двигался он уверенно, не таясь. Сломанная Челюсть сощурился, жадно впитывая детали: правое плечо опущено ниже левого, и это значит — оружие на ремне с правой стороны...

Подростки по команде налегли на весла. Баркас легкой тенью скользнул к берегу, ловко протиснувшись между двумя пятнами светящейся слизи, которые сближались на мелководье, намереваясь то ли пожрать друг друга, то начать спариваться.

Сломанная Челюсть снова почувствовал руку у себя на плече — требовательное, торопящее пожатие. Он убрал бинокль и взялся за топор обеими руками. Его община обитала в глинистых каньонах, а не около реки, и он не сумел правильно и незаметно сойти на берег — под ногами плеснуло... Баркас высадил его и тотчас отошел, вспенив веслами воду вдоль левого борта. В свете багровой первой луны Сломанная Челюсть едва различал, как вздрогнул и подобрался тот, по чьим следам он так долго шел.

Он был одет во что-то... яркое. Сломанная Челюсть не видел раньше такого цвета и даже не знал, что подобные существуют. Он удивленно вытаращился — цвет одежды чужака был столь непохож

на окружающий мир, что сам чужак казался нарисованным. Сломанная Челюсть будто смотрел на сцену удачного паломничества, какие мужчины рисуют на синеватой глине каньона. И все остальное на чужаке тоже выглядело странным — никакого защитного железа, только черные ремни расчерчивали ткань комбинезона, и на этих ремнях крепились незнакомые вещи... вроде тех древних приборов, что люди находили время от времени, только без малейших признаков износа. Еще пара ремней, толстых и очень прочных на вид, замыкались вокруг пояса, продетые в металлические проушины, будто чужака спустили на них с самого неба.

Оружие его оставалось под правой рукой, невидимое пока.

Человек повернулся и смотрел, как Сломанная Челюсть приближается, по-прежнему держа топор обеими руками поперек туловища, лезвием вниз. На фоне более светлой реки Сломанная Челюсть был хорошо заметен, но и чужак в своем непредставимо ярком наряде выделялся на фоне откоса. Сломанная Челюсть вдруг увидел, что полосы на ремнях отчетливо светятся во мраке, и совсем уж остолбенел — это что, сумасшедший? Как можно быть настолько заметным и при этом надеяться остаться в живых?

Сломанная Челюсть подошел так близко, как только мог, чтобы его приближение не выглядело угрозой. Ненависти к чужаку он не чувствовал.

Тот показал ему свои руки — омерзительно пустые. Его оружие натягивало ремень на плече, невидимое отсюда. Сломанная Челюсть теперь хорошо понимал, что так вывело мужчин из себя — каждый жест этого человека был оскорблением.

— Привет, — сказал чужак, и Сломанная Челюсть растерянно затоптался — звук его голоса оказался тонким, совершенно под стать нелепой узкоплечей фигуре. Сломанная Челюсть не колеблясь записал бы чужака в подростки, если бы тот не был настолько высоким — на две головы выше его самого.

— Я не чувствую к тебе ненависти... — начал он, еще раз прислушавшись к себе. По-прежнему ничего.

— Те, что тебя привезли, тоже так мне сказали! — обрадовался чужак. — Ты их представитель, я правильно понимаю?

— Я говорю за их общину, — кивнул Сломанная Челюсть.

Только сейчас он понял, насколько это будет трудной задачей — узнать о чужаке хоть что-то, не прибегая к прямым вопросам. «Или придется нарушать обычаи», — подумал он с содроганием. Он и так уже вел себя вызывающе — сошел с места во время их разговора, попытавшись обойти собеседника, но так и не сумел толком разглядеть оружия. Чужак стоял боком, его оружие беспечно висело стволом вниз, открывая взгляду лишь тонкий приклад — треугольный, как скелет прыгающей рыбы, очищенный от съедобной плоти.

— И как называется община, за которую ты говоришь? — спросил чужак. — Извини, я тоже говорю за своих людей. Мы — исследовательская группа Академии наук. Ты понимаешь, что это?

Сломанная Челюсть пожал плечами. Сказанное показалось ему бессмысленным набором звуков.

— Теперь твоя очередь, — напомнил ему чужак. — Почему ты молчишь?

— Я не знаю, как тебе ответить. Моя община обосновалась в глиняных каньонах выше по течению этой реки. А община, за которую мне велели говорить, оседлала плавающие острова главного русла. Они процветают, но им приходится постоянно перемещаться с острова на остров.

— Прекрасно! — подбодрил его чужак. — Просто отлично, что ты готов общаться и делишься информацией. Она пригодится нам позже. Но давай начнем с названий... Да, и я должен тебя предупредить — нас ведь слушают оттуда. — Он ткнул пальцем в отвесное небо, где ленты облаков продолжали разматываться, собираясь понемногу в спутанную сеть. — Ведут запись и оперативный анализ, так что наша беседа имеет статус официальных переговоров. Академия наук, помнишь? А как называют вас? Какое имя у вашей общины?

— Но у общин не бывает имени, — недоуменно сказал Сломанная Челюсть.

— Вот как? А как вы отличаете одну общину от другой? Мы же давно наблюдаем за вами и знаем — вы разобщены и находитесь в состоянии перманентной войны. Но отчего-то воюете не с ближайшими соседями, что было бы объяснимо хотя бы с точки зрения дефицита ограниченных ресурсов, а ведете сложную кампанию с постоянными вылазками в глубину чужих территорий и вступаете в очень избирательные схватки. Как вы понимаете, когда перед вами противник, а когда — друг, если ваши общины не имеют имен?

— Мы чувствуем ненависть, — проговорил Сломанная Челюсть, окончательно запутываясь. — Или не чувствуем.

— Вот как? — Чужак оживился, и Сломанная Челюсть совсем поплыл рассудком — вся его речь состояла из одних вопросов. Это было настолько неправильно, что почти причиняло боль. — Тогда давай хотя бы познакомимся друг с другом для начала. Ты не против? Скажешь мне свое имя? Вот меня зовут Бенуа. А тебя?

Сломанная Челюсть почувствовал, что вздрагивает всякий раз, когда этот человек, еще не обозначивший себя мужчиной, открывает рот. Он и впрямь был словно ребенок — нахальный, с тонким издевательским голосом, обрушивающий на собеседника вопрос за вопросом. Зачем он это делает? Хочет вывести его из себя? А быть может, и правда безумен? Сломанная Челюсть слышал о таком — повредившийся рассудком ребенок навсегда остается в детстве, не замечая, как взрослеют его сверстники. Бенуа... Это слово ничего не означало, а потому не могло быть именем. Бессмысленный, гадкий звук — будто болотный шакал зевнул из жидкой грязи...

— Пожалуйста, назови мне свое имя, — мягко попросил чужак, и, не услышав на этот раз вопросительной интонации, Сломанная Челюсть опомнился.

Он отметил вдруг, что невольно присогнул руки в локтях и теперь держит топор едва ли не на уровне груди. Это было просто верхом неуважения к человеку, к которому он не чувствовал ненависти. Сломанная Челюсть ощутил жгучие пятна стыда на щеках — невидимые, впрочем, в багровом свете первой луны.

— Ты говоришь так грубо со мной, — сказал он, впрочем примиряюще опуская взгляд. — Но я понимаю — ты пришел с неба и просто не знаешь обычаев.

— Вот как? — опешил чужак. — А что я такого?.. — Он заметил тень, промелькнувшую в глазах Сломанной Челюсти, и задумчиво кивнул — уже почти как мужчина, а не как безрассудный сопляк.

— Хорошо, — сказал он, — ты прав... Извини, если мои слова тебя оскорбили.

— Слова ничего не стоят, если ничего не значат, — произнес Сломанная Челюсть. — Я готов тебе отвечать.

— Но как мне тогда?.. — начал было чужак, но осекся. — Твое имя... Мне ведь нужно как-то отличать тебя от других.

— Здесь больше никого нет, и меня не от кого отличать, — сказал Сломанная Челюсть, обводя взглядом берег.

Чужак ничего не сказал на это, обдумывая его слова, но Сломанная Челюсть чувствовал, что тот его понял. Они были совершенно одни на берегу, даже баркасы ушли настолько далеко, что совсем пропали из виду, затерялись среди багровых теней и светящихся пятен; и даже те, от лица которых говорил чужак и которые смотрели на него сверху, — тоже давно потеряли своего посланника среди слоющихся лент радиоактивных облаков. Гигантская, в половину неба, вторая луна понемногу вступала в свои права, проявляясь из темноты и ионизируя верхние слои атмосферы. Связь, если его община на небе пользовалась радиоволнами, уже должна была исказиться до суматошного треска, растворяющего любую осмысленную речь.

Видимо, так и было — Сломанная Челюсть увидел вдруг во взгляде чужака то хорошо узнаваемое одиночество, каким невольно окрашиваются лица всех мужчин, впервые уходящих в паломничество. Тот больше не слушал голоса с неба и даже отвел петлю витого провода от своего уха.

— Похоже, я тебя понял, — буркнул чужак, придержав оружие под мышкой. — К черту протокол, раз такое дело...

— Нам нужно уйти с берега, — сказал Сломанная Челюсть. — Вторую луну уже видно глазами.

— Она так опасна? Меня предупреждали, что внизу мне понадобится убежище. На крайний случай у меня есть экран-тент. Не бог весть что, но спасет от быстрых нейтронов.

— Не нужно, — сказал Сломанная Челюсть. — В каждом откосе есть пустые норы. Мы укроемся в них.

— И как долго мы будем наедине? — не утерпел чужак.

Сломанная Челюсть видел — он нервничает, хотя и старается не подавать вида.

— Пока третья луна не закроет вторую. — Сломанная Челюсть показал на реку. — Вода начнет гнущься и пойдет к обоим берегам разом. Мы услышим это и увидим, не беспокойся.

— Я не то чтобы беспокоюсь всерьез... — Чужак демонстративно потянул за плечевой ремень, заставив свое оружие шевельнуть коротким стволом. — Но не привык идти за тем, кто не называет мне своего имени.

Сломанная Челюсть кивнул ему, подумав, как сильно, должно быть, отличаются их обычаи.

— Гляди. — Он приподнял голову, чтобы чужак смог хорошенько рассмотреть его лицо в полумраке.

Тот посмотрел — сначала с любопытством, понемногу перерастающим в неловкость по мере того, как он разглядывал очертания вдавленной внутрь черепа глазницы и скособоченного подбородка.

— Это и есть мое имя.

Не дожидаясь ответа, Сломанная Челюсть захромал вверх к пологому склону, хрустя на всю округу смерзшимся в корку песком и кристаллами соли, что успела на него осесть и затвердеть. Чужак (Сломанная Челюсть даже про себя не смог назвать его этим тошнотворным шакальим звуком — Бенуа) шел за ним, ступая след в след. Он довольно быстро учился, а быть может, просто перестал слушать глупые советы со своего неба, и потому не трещал более без умолку. Только когда они поднялись довольно высоко и Сломанная Челюсть принялся выбирать для ночлега одну из множества глиняных нор, что зимний ветер набуравил в склоне, он решился прервать молчание.

— Значит, — сказал он, — вы знаете и об атмосферных помехах, и о радиации... Знаете, что эта ваша вторая луна — вовсе не планетоид. Что вас угораздило поселиться под самым боком у нейтронной звезды...

— Конечно, — ответил Сломанная Челюсть. — Мы ведь не дикари.

— Но все равно называете ее луной.

— Просто многие старые слова потеряли смысл. И нам стало не до них.

— Вы помните, как оказались здесь? Сохранились летописи, предания? Ведь не так много времени прошло...

— У нас есть свод обычаев, — поразмыслив над вопросом, сказал Сломанная Челюсть. — Часть из них — старые, еще времен Кораблей...

— Значит, вы помните даже Корабли?

— Не просто помним — я сам видел один из них, пока река не растворила его.

— Ты поднимался на его борт?

— Нет, — сказал Сломанная Челюсть. — Это было невозможно. Он пролежал в реке с самой Посадки. Когда мне впервые показали Корабль, он был уже просто холмом рыхлой ржавчины, вроде оплетенного паутиной сыпучего куста. Его нельзя было даже тронуть, не разрушив, не то что войти внутрь.

— Когда наладится связь, я могу показать тебе снимки этих Кораблей, — предложил чужак после недолгой паузы. — В их перво-зданном виде, разумеется. Меня проинструктировали перед высадкой — нужно для начала восстановить вашу связь с прошлым, только так мы сможем избежать культуршока.

— Я не знаю, что это такое, — пожал плечами Сломанная Челюсть.

Он обнаружил хорошую нору, в которой вполне могли разместиться два экипированных человека. Она казалась покинутой или просто необитаемой — ни слепков затвердевшей слюны около входа, ни жестких хитиновых надкрыльев поблизости. Он побеспокоил черное нутро норы рукояткой топора, прислушался и, не заметив ничего подозрительного, протиснулся внутрь.

— Мне идти за тобой? — спросил чужак, переминаясь с ноги на ногу. — Или нужно самому искать себе убежище? Я не хочу нарушать твоих обычаев, я просто их пока не понимаю...

— Поскольку я не чувствую к тебе ненависти, — сказал Сломанная Челюсть, — а ты чужой и ничего не смыслишь в ночлеге, мы можем разделить одну нору. Нам нужно дожить до утра, как мне было поручено. Если ты тоже не чувствуешь ненависти ко мне...

— Конечно, не чувствую! — выпалил чужак, и Сломанная Челюсть обрадовался было, что безумие его оставило и теперь они могут разговаривать и друг друга понимать. — Ты же не сделал мне ничего плохого, а я не сделал ничего плохого тебе...

Сломанная Челюсть услышал этот странный довод и снова запутался.

Опустившись на дно норы и опершись спиной на глиняную стену, утрамбованную временем до твердости обожженного кувшина, он принялся терпеливо, словно отучая ребенка беспечно сыпать вопросами, объяснять чужаку, тщательно подбирая слова: видишь, сначала падает капля дождя, а уж потом на соленом песке возникает пятно — только так, не наоборот. Мы чувствуем ненависть не потому, что нам сделали плохо, но мы сами хотим сделать плохо друг другу, потому что чувствуем ненависть... Чужак слушал его, округляя глаза, но Сломанная Челюсть не был уверен, что тот правильно его понимает, — он вдруг опять заговорил о Кораблях.

Сломанная Челюсть слушал не очень внимательно и тоже не все понимал.

Крайне неудачно вышло, что наспех разработанный протокол Посадки предусматривал размещение Кораблей в руслах больших рек, раз уж на этой планете отсутствовали океаны. Планета выглядела перспективно, и никто не ожидал, что она окажется таким горьким снежком, слепленным сплошь из оксидов натрия и хлора. Бездна свободного кислорода, много воды, распределенной вполне равномерно, но столько активных веществ в грунте... Люди на небесах читали отчеты с брошенных орбитальных станций. Ты же знаешь, что такое орбитальная станция?

Сломанная Челюсть пропускал мимо ушей все то, что казалось ему лишним. Он пытался запомнить только важное, но оно было сокрыто под многими незнакомыми словами.

Движущая сила любой колонии — это энергия. Корабли несли ее в своих реакторах — многие и многие тонны делящегося вещества. Корабли и были реакторами — те трубы, из обломков которых люди теперь делают щиты, тяжелые, но совершенно неуязвимые для любого оружия, во время полета были разгонными блоками, а потом стали частью теплообменной системы. Но трубы разрушились раньше Кораблей...

— Ты знаешь это? — спрашивал его чужак.

Сломанная Челюсть пожимал плечами, и тот, неверно истолковав этот жест, пускался в пустые объяснения.

— На краях тех фрагментов, что ваши люди носят вместо щитов, остались следы термического отпуска. Мы подняли множество их для изучения, и везде — одно и то же. Видимо, когда реакторы пошли вразнос, перегретый пар разорвал эти трубы на части. Ты знаешь, какими они были огромными? Стоя в них, человек не мог бы даже докричаться до противоположного края! Я видел записи с орбитальных станций, но не уверен, что их разрешат показать тебе, — пар был перегрет настолько, что стал почти плазмой, а потому обломки труб горели в присутствии большого количества кислорода... Академия наук требует называть это Большой Поломкой, но мы называем Большим Кошмаром — все крупные реки будто вскипели разом...

История чужака не казалась интересной, но крохи полезного удалось выловить из этого потока.

— Вы не могли находить их много, — сказал Сломанная Челюсть, имея в виду обломки труб. — Мы и то их очень редко находим.

— Они все лежат на дне ваших рек — в лабиринтах донных каньонов из кристаллической соли. Это ведь даже не вода — химический рассол, перенасыщенный настолько, что выпадает в осадок при малейшем понижении температуры. Корпуса кораблей не смогли долго ему сопротивляться, это хуже любых самых соленых, но спокойных морей — постоянный напор воды, абразивные кристаллы соли... Вас угораздило выбрать для колонии самое неуютное место во Вселенной, ты уж меня извини.

— Это не такой уж плохой мир, — пожал плечами Сломанная Челюсть. Ему стало немного обидно, поэтому он так разговорился. — Даже в соленых реках есть жизнь. Плавающие острова долго живут в покое, пока не начинают делиться. Нужно просто привыкнуть, приспособиться. В большие сезоны с неба падает много хорошей воды, и мы умеем сохранять эту воду и отделять от тяжелой. А в малые сезоны или в паломничествах мы добываем воду из животных, которые умеют ее запасать. Прирученные растения могут давать урожай даже с речной водой — мы просто знаем, какие их части накапливают тяжелую воду, и не едим их.

— Так у вас все в порядке, да? — запальчиво спросил чужак. Он сидел вплотную, опершись спиной на противоположную стену. Их колени почти соприкасались, и оба держали на них оружие — каждый свое. — Знал бы ты, сколько раз Академии наук приходилось слышать от тех переселенцев, которые заблудились в небе, что они довольны своей теперешней жизнью! Каждый раз, когда мы находим очередную пропавшую партию землян, нам приходится убеждать их, что есть жизнь куда лучше, чем их вынужденная робинзонада... Мы ведь все — земляне! Ты ведь это понимаешь?

Сломанная Челюсть не знал этого слова и подумал, что чужак так говорит о людях, к которым он не испытывал ненависти.

— Не все из нас процветают, но у нас достаточно еды и воды. Мы потеряли Корабли, но выжили...

— Да, ты прав. Суровые условия, с которыми столкнулись колонисты, конечно, осложнили адаптацию. Но вы бы не потеряли Корабли, если бы не воевали друг с другом!

— Это правда, — подумав, признал Сломанная Челюсть.

— Тогда почему вы без конца воюете? И с кем вы воюете? Мы сверху никак не можем этого понять. Вы ведь даже никак не называете свои племена... свои общины. Вы почти не используете имен при коммуникации — я ведь правильно понял? Отличаете знакомых по лицам... Как вы распознаете незнакомцев? Как отличаете враждебные общины от дружественных?

— Мы чувствуем ненависть.

— Да, это хорошо видно с неба. Но почему? Если дело не в дефиците ресурсов, территорий или женщин, то в чем дело? Мы собрали огромный массив информации, насколько это было возможно сделать с орбиты, и... у Академии нет ответа! Пока самой убедительной выглядит религиозная причина. Вы же верите в богов? У них-то хоть есть имена? Твои обычаи не запрещают называть их?

— Мы молимся богу Силы, — начал перечислять Сломанная Челюсть. — И улыбаемся богу Жизни, когда у нас рождаются младенцы. И проклиная бога Жизни в остальное время — потому что младенцы рождаются у тех, к кому мы чувствуем ненависть...

Он знал, что сейчас скажет чужак: те, к которым вы чувствуете ненависть, ведь делают то же самое. Он не понимал, как объяснить — мужчины и те, кто пытается стать мужчиной, молятся богу Силы и становятся сильнее... или не становятся. Женщины молятся богу Жизни и тоже делают это усердно — ведь от них зависит численность общины. Так повелось. Богам, в общем-то, плевать на людей и их ненависть — они помогают и тем и другим...

— У тебя была женщина? — спросил чужак, косясь на его лицо.

Сломанная Челюсть начинал уже терять терпение — этот человек задавал совершенно глупые вопросы.

Да, он не ходил раньше в паломничество и еще никого не убил. Но он был сыном героя и не унаследовал свое уродство — он нес отличные гены и несколько раз помогал женщинам молиться богу Жизни.

Каждый человек должен помогать своей общине расти, если из-за ран или увечий не способен уменьшать численность тех, к кому мы...

— А почему тот здоровяк назвал тебя сыном женщины? Это прозвучало вроде не очень хорошо...

Сломанная Челюсть нахмурился — этот вопрос означал, что чужак умел слышать на расстоянии голоса тех, с кем однажды разговаривал. Какое-то древнее хитроумное устройство — вроде того, по которому с ним говорят люди с неба? Сломанная Челюсть поставил себе в памяти зарубку — подумать об этом позже...

Края их норы уже начинали светиться — это споры безвредной плесени фосфоресцировали, корчась в потоках излучения второй луны, которая проступила бледным пятном через багровую темень.

— Нужно спать, — сказал Сломанная Челюсть. — Начинается малая ночь — самое безопасное время суток, сейчас все живое сидит по норам или под толщей соленой воды. Нужно восстановить силы — малая ночь не продлится долго...

Чужак все никак не мог уgomониться — даже когда Сломанная Челюсть закрыл глаза и опустил лицо на свой топор, продолжал нести всякие глупости, которые и так знал каждый человек, но которые он, видимо, считал откровением. Сквозь некрепкий сон Сломанная Челюсть услышал о числе Кораблей — сорок два при численности колонистов в полторы тысячи на каждом.

— Это много людей. Вы думаете, что за эти восемьдесят лет ваша популяция хоть немного увеличилась? Нет! Вы на грани вымирания, хотя ваши женщины плодятся как одержимые! Даже это бешеное воспроизводство не сможет бесконечно компенсировать убыль. Есть законы биологии, и по ним пороговые значения численности уже маячат в не слишком-то отдаленной перспективе. Если бы не это обстоятельство, то Академия наук все еще наблюдала бы, все тянула бы с началом полевого взаимодействия... «Молиться богу Жизни» — этой идиомой вы называете секс?

«Еще одно бессмысленное слово, — решил Сломанная Челюсть, не прерывая сна. — Не нужно запоминать его».

— Тридцать шесть крупных рек, — продолжал чужак. — Корабли совершали посадку более-менее равномерно. Вы перемешались и почти сразу же начали воевать. Мы считаем... мы почти убеждены, что ваша вражда как-то связана с Кораблями, а точнее — с их гиперпространственной траекторией. Хотя об этом ты уже вряд ли что-то знаешь... Эта теория безумна, но как иначе объяснить, что экипажи Кораблей левого звена вдруг начали воевать с экипажами правого? Может, в гиперпространстве было что-то, так поляризовавшее вашу психику? Математики выявили эту закономерность, а факты ведь не могут врать. Ты что-то знаешь об этом? Ваши легенды, ваши обычаи не предписывают ненавидеть колонистов с определенных Кораблей? Может, это спор тупоконечников с остроконечниками?..

Сломанная Челюсть ничего не понимал. Они оба не понимали друг друга и ничего не могли друг другу объяснить. Командир с плавучих

островов ошибся — Сломанная Челюсть так и не смог понять чужака, хотя умел слушать как никто другой. Зря ему поручили говорить за общину...

Он проснулся от гудения воды и треска растираемого ею песка внизу. Начинаясь большая ночь — самое опасное время, время охоты животных и боя людей. Мертвенный фиолетовый свет третьей луны подсвечивал тусклую, погибшую плесень по краям их норы.

Чужак спал, беспечно сложившись пополам и накрыв оружие своим телом. Сломанная Челюсть посмотрел на его худую шею с выпирающими косточками хрупких позвонков.

«Пора», — подумал Сломанная Челюсть.

Он протянул руку и тронул чужака за плечо. Тот проснулся мгновенно, и Сломанная Челюсть уважительно кивнул ему — это был ценный навык, человек с неба быстро учился.

— Они идут, — сказал он одними губами, прикрывая ладонью рот чужаку, чтобы тот не заговорил громко спросонок.

— Кто? — нахмурился он. — Те, к кому ты...

Чужак говорил шепотом, но без заспанной хрипотцы, и Сломанная Челюсть понимал — командир был прав, назвав его опасным. Он не просто мальчишка с оружием и, скорее всего, сумеет убить человека, когда придет время.

— Я много думал во сне и все понял, — сказал Сломанная Челюсть, не позволив ему закончить. — Вы, люди с неба, можете прекратить нашу войну.

— Вот как? Понял во сне? — переспросил чужак. — Прекратить войну... И как же нам это сделать?

Сломанная Челюсть украдкой выглянул за край норы — сколько времени у него осталось? Те, к кому он чувствовал ненависть, шли в темноте по откосу, наступая на наросты за ночь кристаллы соли, лопавшиеся под их ногами. Они не спешили, не двигались прямо к ним и вообще, скорее всего, еще не обнаружили их присутствия — просто вышли из своего укрытия в большую ночь, чтобы продолжить паломничество. Они часто останавливались, обыскивая встреченные норы, и тогда их переставало быть слышно.

Сломанная Челюсть еще не видел их глазами, а потому справлялся пока со своей ненавистью.

— Третья луна заслонила вторую, — напомнил чужаку Сломанная Челюсть. — Облака над нами больше не радиоактивны — ты опять можешь слышать свое небо.

— Да, — подтвердил чужак, вернув витой провод на ухо и прислушавшись.

— Я хочу, чтобы ты позвал умных людей... этих... математиков... Скажи, что я говорю от имени своей общины и от имени общины с плавучих островов, что я знаю лицо их командира. Передай им то, что я предлагаю...

— И что ты предлагаешь? — эхом отозвался чужак, положив руку на свое оружие и встав так, чтобы Сломанная Челюсть не смог до него дотянуться.

— Вы — как боги на своем небе, — сказал тогда Сломанная Челюсть, более не сдерживаясь. — Вам плевать на нашу ненависть... Вы хотите держаться в стороне, хотите помочь и тем и другим. Но так — нельзя!

Чужак опешил от горячности его шепота и от резкости его слов. Опешили, должно быть, и те, кто их слушал, — прошло несколько ударов сердца, прежде чем чужаку разрешили ответить.

— Если ты имеешь в виду, что мы не собираемся принимать ничьей стороны в вашем конфликте, то так и есть.

— Но вам придется! — сказал Сломанная Челюсть. — Ты говорил, численность людей уменьшается. Если вы не вмешаетесь, через несколько поколений может не остаться никого.

— Этот исход очень реален, — согласился чужак, страшно прищуривая глаза. — Но мы могли бы ввести карантинные меры... изолировать ваши враждующие популяции...

Скорее всего, он повторял слова, сказанные с неба.

— Ничего не выйдет, — качнул головой Сломанная Челюсть. — Ты сам говорил — здесь нет океанов, а значит, нет обособленных материков. Только реки, а через реки мы умеем плавать. Вам не удастся разделить нас и тех, к кому мы чувствуем ненависть. К тому же вы не сумеете отличить нас друг от друга. Поэтому будет так — или с вашей помощью останутся жить люди с половины Кораблей, или не останется никого.

— И ты считаешь, что выжить должны ты и твоя популяция? И почему же? — не своим голосом произнес чужак после долгого молчания.

— Я не смогу тебе ответить, — сказал Сломанная Челюсть. — Причины нет... но нет и другого способа. Если те, к которым я чувствую ненависть, спросят вас о причине — просто скажите, что им не повезло. Ты говорил со мной, а мог бы говорить сначала с ними.

— И ты считаешь, что этого будет достаточно?

— Я не знаю, — пожал плечами Сломанная Челюсть. — Но ты слышал, как я говорил о своей матери и своем отце. Ты говорил со мной всю ночь и думал о моих словах. А тех, что сейчас идут сюда, ты не знаешь. Быть может, твои люди с неба еще сомневаются... Но думаю, что ты сам уже выбрал сторону.

— Черта с два! — непонятно сказал чужак снова своим собственным голосом, тонким и осипшим одновременно.

— Ты увидишь, что выбрал, — спокойно сказал Сломанная Челюсть. — Ты видел мое лицо и узнаешь мой голос. Ты назвал мне свое имя — Бенуа... Мы делили одну нору с тобой. Ты мучил меня вопросами, и я стерпел от тебя все... Это было трудно, но я докажу тебе, что умею терпеть ради своей общины, так же как моя мать терпела боль ради своей. Сейчас я выйду навстречу тем, к кому чувствую ненависть. Я буду делать, как велют ваши обычаи, а не мои, — не буду сражаться. А они — будут. И тогда ты не сможешь не выбирать...

— Черта с два! — повторил чужак яростным шепотом, не глядя на Сломанную Челюсть, а обращаясь напрямую к облакам, что проплывали над черным жерлом норы. — Не мелите чушь, я на такое не подписывался!.. Мне плевать, что он прав... Плевать на вероятностные модели — я не математик... Я не убийца, вы меня не заставьте!

— Ты — человек, — спокойно сказал ему Сломанная Челюсть, — к которому я не чувствую ненависти. Тебе должно хватить этого, чтобы ты выбрал.

Он полез прочь из норы. Чужак попытался ухватить его за штанину и стащить обратно, но Сломанная Челюсть что есть силы ударил топором плашмя по твердой глине снаружи, и от этого звука, казалось, вздрогнула вся округа.

Те, что обыскивали норы, замерли, вслушиваясь в неверную фиолетовую темноту.

— Отпусти, — прошептал Сломанная Челюсть. — Ты мне только мешаешь. Они уже услышали.

Впереди торопливо хрустела соль, осыпалась потревоженная глина.

Чужак полез было следом, но Сломанная Челюсть покачал головой:

— Ты слишком заметен, весь светишься. В бою им некогда будет разбираться — они просто убьют обоих.

— Чертов ты сукин сын... — совсем непонятно прошипел чужак, отшатнувшись обратно в нору.

— Я хочу спросить тебя!.. — вдруг выпалил Сломанная Челюсть.

— Вот мерзавец... — сказал чужак таким голосом, словно его терзали изнутри. Он сейчас был и впрямь страшно похож на болотного шакала — темнота норы обволакивала его, как лохматая шкура, оставляя голым только запрокинутое кверху лицо со сжатыми до белизны губами. — Валяй, спрашивай! Как там ты говоришь... я готов тебе отвечать.

— Какого цвета твоя одежда? — с огромным усилием выдавил из себя прямой вопрос Сломанная Челюсть.

— Ты не знаешь? — удивился чужак. — Это же оранжевый! Цвет спасателей. Как апельсин... А, черт! Как огонь. Разве у вас нет этого цвета?

— Травяной лес не горит, — ответил ему Сломанная Челюсть. — Он никогда не становится сухим. Мы жжем костры из того, что выбросила река, и костры горят белым огнем.

— Ясно, — сказал чужак.

Сломанная Челюсть повернулся к нему спиной, уже определив на слух — те четверо разделились. Двое лезли по верху гребня, всё еще невидимые, а двое других крались прямо по склону, петляя среди мешанины черных дыр. Они и правда выглядели сильными — широкие покатые плечи и головы без шей. Только у одного из них был железный щит, второй двигался налегке, вооруженный сразу двумя саблями, сделанными из ржавых изогнутых полос. Сломанная Челюсть

уже почти не мог дышать от одного их вида, кроваво-черным муаром окрашивалось периферийное зрение. Боясь, что вот-вот сорвется и ринется им навстречу, размахиваясь для последнего удара, он поднял перед собой руки с топором и заставил себя разжать пальцы.

Топор упал к его ногам и глухо звякнул.

«Мой отец проклял бы меня, если бы увидел», — подумал Сломанная Челюсть.

Двое паломников приблизились к нему на расстояние нескольких шагов. Лица их были перекошены от ненависти, и Сломанную Челюсть самого трясло. Он выставил им навстречу руки, показал пустые ладони, как делал это чужак. Они замедлили и без того крадущуюся поступь. Сломанная Челюсть увидел, как их щеки идут рябью под давно не бритыми бородами. Он тоже дышал через стиснутые зубы — иначе уже не получалось...

— Это приманка! — сказал один из паломников другому. — Осторожно — этот калека нас заманивает! Он не выглядит сильным, но не стал убегать...

Его дыхание то и дело прерывалось короткими болезненными спазмами.

Второй посмотрел на Сломанную Челюсть, посмотрел на гребень откоса, синеющий на фоне огромной и бледной третьей луны, потом — на реку. Вода на реке еще пыталась течь, но притяжение столь близкого и массивного небесного тела тянуло ее к себе, выгибая реку вогнутым желобом... Он помотал головой, едва не раскрошив при этом зубы: на реке негде было спрятаться баркасу, а от возможной атаки из-за гребня прикрывали третий и четвертый паломники. Норы под ногами остались без внимания — ни один мужчина не вынес бы приступа ненависти на столь малом расстоянии и не смог бы оставаться в засаде.

— Я ненавижу вас, — подал голос Сломанная Челюсть, едва-едва справившись с дыханием и не сорвавшись на яростный рык. — Но не буду с вами драться. Пусть оружие моего отца лежит в соли под моими ногами.

Они придвинулись еще на шаг, и Сломанная Челюсть увидел в свете третьей луны, как прыгают его собственные пальцы, долгими болезненными судорогами пытаясь сжаться в кулаки.

— Не будешь драться? — заорал первый с такой силой, что фонтаном полетела слюна. — Ты — отродье! Болотный шакал! Сын женщины!

Он замахнулся железной полосой и ударил по вытянутой навстречу руке — она переломилась, брызнув ошметками плоти из-под лезвия. Тотчас второй стремительно придвинулся сбоку и крест-накрест рубанул обеими саблями — поперек живота, потом по лицу... Сломанная Челюсть и сам весь переломился, боль вспыхнула и тут же поднялась горячей волной, затопив даже его ненависть; он наполнился этой болью, вскипевшей в нем так, словно его, как одного из зверей, умевших запасать внутри воду, положили

на костер. Потом он лопнул в тех местах, где его ударило железо, и боль пролилась наружу...

Падая, он услышал новый звук и сразу узнал его, хотя при нем никогда раньше не вели бой из огнестрельного оружия, — услышал, как рвется воздух. Сразу несколько пуль ударили одного паломника в мягкое, другой еле успел прикрыться щитом — пули сыпанули, выбивая звездчатые вспышки. Спасаясь, паломник прыгнул с откоса прямо во вставшую на дыбы реку.

Уже с земли, уже темнея взглядом, Сломанная Челюсть увидел, как чужак еще дважды дал очередь, целясь в тех двоих, что подбирались сверху, — оттуда дождем посыпалась глина. Было непонятно, попал ли он в кого-нибудь: ничего не упало сверху, кроме глины, — ни тел, ни оброненного оружия. Должно быть, паломники успели сигануть за гребень. Они вряд ли теперь вернуться — обычаи строго запрещали менять две свои жизни на одну чужую.

«Но и тот, что прыгнул в реку, вряд ли выжил, — подумал Сломанная Челюсть, — во всем железе, что было на него надето...» Значит, он все-таки убил двоих, как и положено, пусть и не своими руками.

Сломанная Челюсть увидел ботинки чужака с жесткими подошвами, что скрипели, дробя соляные наросты, — тот подошел и сел рядом. Сломанная Челюсть почувствовал, как чужак приподнимает ему голову.

— Бенуа... — выдавил он.

— Сукин ты кот! — ответил тот своим обычным непонятным бредом. — Мне все-таки не стоило вмешиваться, нужно было и дальше смотреть, как тебя рубят, будто капусту...

— Бенуа... — повторил Сломанная Челюсть. Половина его лица отказывалась двигаться, когда он говорил. Опять что-то лопнуло и потекло — он захлебнулся кровью, которой вдруг стало так много во рту.

— Не думай, что ты всех уговорил, — с упорством, переходящим в отчаяние, сказал чужак. — Возможно, твой план не примут. Возможно, применяют перекрестный алгоритм сортировки и отделят-таки агнцев от козлиц. Возможно, перегородят всю планету забором... Все возможно, и еще ничего не решено, ты понял?

Сломанная Челюсть молчал, шумно глотая кровь.

— В любом случае будет планетарный карантин! — сказал чужак. — Вам никогда больше не подняться в небо, слышишь? Ни вам, ни вашим потомкам. Академия этого не допустит. Вдруг то, что заставляет вас ненавидеть, заразно? А?! Вдруг остальное человечество подхватит это и тоже разделится на левое и правое звено? А?! Гребаные вы бешеные псы! Давай я хотя бы осмотрю тебя...

Он попытался что-то сделать с одеждой на его животе, но посмотрел и оставил как есть.

— Да... Да... Хорошо... — сказал он, и Сломанная Челюсть удивился сначала — что же там может быть хорошего? Но потом понял,

что чужак опять отвечает людям с неба. — Бросьте, не нужно соборезнований — мы ведь обсуждали этот вариант...

— Слышал? Я тоже в вечном карантине с этой минуты, — сказал чужак, обращаясь уже к Сломанной Челюсти. — Как и ты, умру под этим небом, пропади оно... В принципе, я знал, на что шел, — целая планета воинственных безумцев была подо мной, где уж тут всерьез мечтать о возвращении! Сорняки вашего гнева должны быть выполоты. Но я, дурак, до последнего надеялся, что ты объяснишь мне его причину. Что скажешь мне: «Те, с других Кораблей, однажды наступили на хвост нашему спаниелю, а мы за это нассали под дверь их капитанской каюты — и всё заверте...»

